ПРАЙМ-ЭРА ДЕТЕКТИВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Татьяна Устинова

— комплект из 3 книг —

Татьяна Устинова

Прайм-эра детективных расследований. Комплект из 3 книг

«Эксмо»
2022, 2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Прайм-эра детективных расследований. Комплект из 3 книг / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2022, 2026 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-252508-7

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! В состав входят: «Тени южной ночи», «Роковой подарок», «Судьба по книге перемен». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности «Тени южной ночи» Писательница Маня Поливанова становится невольной свидетельницей убийства на ТВ-шоу. Спасаясь от творческого кризиса, она приезжает в солнечный Пятигорск, но вместо отдыха ее ждет запутанное расследование, ведущее в прошлое погибшего шеф-повара. Неожиданно на веранде домика Лермонтова для нее открывается портал во времени. Там, в девятнадцатом веке, Маня проживает другую жизнь, полную страстной любви к молодому поэту Мишелю и отчаянных попыток спасти его от роковой дуэли… «Роковой подарок» Знаменитая писательница Марина Покровская — в миру Маня Поливанова — совсем приуныла. Алекс Шан-Гирей, любовь всей её жизни, ведёт себя странно, да и работа не ладится. Чтобы немного собраться с мыслями, Маня уезжает в город Беловодск и становится свидетелем преступления. Прямо у неё на глазах застрелен местный деловой человек, состоятельный, умный, хваткий, верный муж и добрый отец, одним словом, идеальный мужчина. Маня начинает расследование, и оказывается, что жизнь Максима — так зовут убитого — на самом деле была вовсе не такой уж идеальной!.. Писательница и сам не рада, что ввязалась в такое опасное и неоднозначное предприятие… «Судьба по книге перемен» Маня Поливанова, она же известная писательница Марина Покровская, вынуждена помогать своей тете Эмилии, и это просто мука мученическая, потому что Эмилия — знаменитый экстрасенс, а Маня ни в какое ясновидение и колдовство решительно не верит! Однако тетины предсказания странным образом сбываются, проблемы ее клиентов решаются, чего нельзя сказать о самой

ясновидящей: она погибает! Маня, обнаружив Эмилию убитой, берется отыскать преступника, но как это сделать, не имея ни дара ясновидения, ни талантов сыщика, ни даже надежных помощников? А, впрочем, тетя говорила, что помощь непременно придет… *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252508-7

© Устинова Т. В., 2022, 2026
© Эксмо, 2022, 2026

Содержание

Тени южной ночи 6
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Татьяна Устинова
Прайм-эра детективных расследований. Комплект из 3 книг

Тени южной ночи

© Устинова Т.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

– Тишина в студии! Моторы идут! Аплодисменты! Начали!

– Привет всем, кто любит хорошо поесть и вообще весело провести время! Как всегда, в студии ваш любимый шеф Толян Истомин, а в гостях у нас знаменитая писательница, автор многочисленных детективных романов Марина Покровская!..

В студии зааплодировали, пожалуй, с некоторым энтузиазмом.

Жизнерадостный толстяк в белом кителе – китель должен был означать, что здесь, на телевизионной кухне, он самый главный, – повернулся к знаменитой писательнице и поддал жару в свою и без того огненную улыбку.

– Ну чего?! Какое твое любимое блюдо? Небось, как у всех, – пельмешки с мазиком?

И захохотал.

Писательница, не ожидавшая такого энергичного начала, тоже изобразила некое хихиканье и проблеяла неопределенное – то ли согласие, то ли отрицание.

– Сегодня я научу тебя готовить! И вас всех заодно! – Шеф широким жестом обвел массовку. – Вы ж наверняка все тоже в основном пельмешками пробавляетесь, а заодно пиццей! Сейчас мы такую вкуснятину заделаем, что ты про свои детективы позабудешь напрочь! Кстати, как тебе в голову пришло романчики-то кропать? Ты как начала писать?

Писательница Марина Покровская – в миру Мария Поливанова, псевдоним Покровская был когда-то придуман издателем для «красивости», – поправила на взмокшем носу очки и глянула на ведущего в некоторой растерянности. Худшим кошмаром ее писательской жизни были вопросы «Как вы начали писать и где вы берете сюжеты?».

На них не было ответов, и самое глупое, что этих ответов никто никогда и не ждал, как этот самый ведущий, но ненавистные вопросы почему-то все равно задавали!

Словно подтверждая ее мысли, шеф неожиданно выхватил из стакана пучок зелени.

– Вот это, – и потряс пучком перед камерой, – самый ненавистный, ужасный враг любого вкусного блюда! Это… укроп!

Он повернулся к писательнице, сунул ей под нос ужасного врага любого блюда и взревел:

– В гарбидж его! Первым делом! Вон с моего стола!

Писательница несколько отшатнулась:

– Ку… куда?

– В гарбидж! Там ему самое место!

– А! – спохватилась Марина Покровская. – В мусор, я поняла!

Однако ни в гарбидж, ни в мусор бросать укроп не стала, а тихонько опустила пучок во внутренний ящик.

– А сюжеты?! – продолжал ликовать шеф. – Где ты берешь сюжеты?! Вот, например, можешь, не сходя с этого места, придумать детектив про меня?! Во, давай так! Я тебя научу готовить вкуснятину, а за это ты сочинишь про меня историю с убийством! Ну?! Идет?!

Писательница посмотрела на повара, полезла было пятерней в короткие вихры, что являлось верным признаком замешательства, но вместо собственных волос нащупала на голове некую зацементированную жесткую щетку.

…Ах да, ее же гримировали и сооружали прическу перед записью программы! Теперь ничего нельзя тронуть – ни голову, ни нос, ни щеку! Кругом пудра, помада и лакокрасочные изделия!

– Ну, чего?! Заднюю даешь?! Сюжетики-то в голову не идут?!

…Кулинарная программа пользовалась необыкновенной популярностью, ее смотрели и в интернете, и по телевизору. Попасть в нее считалось большой удачей, именно так объяснял писательнице Покровской шеф-редактор перед записью. А все благодаря неординарной личности ведущего. Он умел, как говорится, «завести» аудиторию и «держать» ее.

Личность ведущего сияла, как круг швейцарского сыра. Огромные лапищи, отмытые до розовой глянцевости, уверенно лежали на столе по обе стороны гигантской разделочной доски.

На Маню шеф посматривал довольно ехидно.

– Вот я и говорю, что еда поважнее книжек будет! Там, где растеряется писатель, хороший повар все возьмет в свои руки, приготовит блюдо, и блюдо будет – пушка-бомба!..

– Да почему же растеряется, – проблеяла писательница Покровская. – Ничего и не растеряется. Ну вот, например…

– Ну вот, например! – перебил ведущий и захохотал.

Маня Поливанова набрала в легкие воздуха и выпалила:

– Утром ваш редактор приезжает сюда, в студию, и обнаруживает, что ведущий лежит мертвый во-он в том углу, за камерой, – и Маня показала, в каком именно углу лежит предполагаемый труп ведущего.

Зрители повернули головы и вытянули шеи. Шеф тоже оглянулся.

– Вызывают наряд, но оказывается, что ничего криминального, ведущий помер от… от сердечного приступа, – продолжала тараторить Покровская. – Однако редактор точно знает, что, во-первых, ведущий никогда не страдал сердечными болезнями, а во-вторых, вчера поздно вечером они вместе уехали с площадки, и непонятно, зачем он явился в студию раньше всех. Ведущий всегда приезжает последним! Редактор… кстати, как ее имя?..

– Наташа, – подсказал шеф отчего-то тихим голосом.

– Так вот, Наташа расспрашивает охранников на вахте, в котором часу ведущий приехал на работу. Ведь сейчас везде камеры! Оказывается, его машина через КПП не проезжала, а зайти внутрь можно по карточке, и время входа не фиксируется. Наташа обращается к… ну, допустим… к Кристине. Кристина – директор программы, и у них с ведущим когда-то был роман. Та рыдает и толком ничего объяснить не может. Наташа отправляется в гримерную ведущего, но там почти нет личных вещей, только раздолбанные кроссовки и новенькие женские туфельки, очень шикарные!.. Наташа внимательно осматривает туфельки и…

– Ладно, верю, – перебил шеф-повар. Вид у него был озадаченный. – Сочинять ты могешь!

– Могу, – с облегчением согласилась Маня, словно получившая некий зачет.

– Тогда давай вместе сочиним какую-нибудь вкуснятину! – Шеф нащупал привычный тон и покатил дальше, словно на цирковом двухколесном велосипеде. – Макарошки любишь? Только не ври! Макарошки все любят!

– И я тоже, – согласилась Маня.

– А грибы любишь?

– Да-а-а! – воодушевилась писательница. – Вы знаете, я живу довольно далеко от Москвы, сто пятьдесят километров! То есть я там всегда пишу книжки, и, когда пишу, тогда и живу. У нас заповедник и такие леса! Мы всегда летом ходим, но недалеко: очень легко заблудиться, и

змей боимся, – а местные за много километров уходят. Самое главное – набрести на полянку с белыми! Если набрел, можно целую корзинку на одном месте собрать, и вот когда…

– Короче, ты грибник, что ли? Энтузиаст этого дела?

– Вы же спрашиваете о грибах, я и рассказываю!

– Да я просто так спросил-то, для сценария! А ты опять роман сочинила!

И повар с писательницей уставились друг на друга.

– Не надо было? – утончила Маня и покосилась на камеру.

Оператор смотрел в объектив, улыбаясь столь широко, что улыбка казалась шире камеры.

Надо мной смеется, решила Маня. Ну и ладно.

– Ты на меня смотри, – вернул ее шеф Толян Истомин. – И, как говорится, поехали дальше.

Он набрал в грудь побольше воздуха и вновь возликовал:

– Итак, это программа «Спросите шефа» и я, Толян Истомин, ваш любимый повар! Сегодня мы с писательницей Покровской сварим о-бал-денный супешник из белых грибов. Вы небось думаете, что из белых можно только похлебку сварить, с картошечкой и морковочкой, а еще с лапшичкой, как мамаша в детстве варила, а всякие там супы-капучино только в ресторанах подают задорого?

Ассистентка махнула рукой, подала знак, и массовка приветственно зааплодировала.

– Ты капучино уважаешь, писательница?..

– Я кофе редко пью, чай как-то больше…

– Я те про Фому, а ты мне опять про Ерему! – Шеф вооружился ножом. – Капучино-суп, взбитый с молоком и сливками, с пенкой и тонкой грибной стружкой!.. Давай грибы чисть, а я пока лук нарежу. Лук можно кольцами, а можно мелко порубить, в данном случае нам неважно, все равно будем пюрировать!..

Маня знала, что по правилам кулинарных программ готовить должен не только ведущий, но и гость, чтобы не стоять молчаливым чучелом без всякого дела.

Однако на чужой кухне с непривычки ей всегда было трудно – она тыкалась в разные стороны, выдвигала все ящики подряд в поисках подходящих ножей и ложек, бесцельно открывала и закрывала дверцу холодильника. А тут еще и камеры, и зрители!..

Маня, поискав глазами грибы, придвинула к себе миску и принялась за них. Розовые лапищи шефа нарезали лук с ловкостью необыкновенной, и Маня сказала с завистью:

– Вот бы тоже так научиться…

– Ну, мил моя, чтоб так научиться, нужно двадцать лет на кухне отпахать! А ты небось и двадцати минут возле плиты не простояла.

Маня внезапно вспылила, с ней такое бывало:

– Слушайте, что такое?! Я вполне сносно готовлю и есть тоже люблю. И потом, у меня были две тети, я с ними выросла, а они готовить как раз не умели, и мне пришлось научиться…

Шеф посмотрел на нее с веселым изумлением, не прекращая работать руками:

– Во дает, да? У нас передача такая! Ты вроде как ничего не умеешь, а я вроде как тебя обучаю! Ты уж давай, того, соберись и подыграй мне! А то от тебя толку никакого.

Маня отчаянно покраснела под толстым слоем грима. И впрямь – это же шоу! И ей заранее все объяснили, все условия игры! А она постоянно дает маху!

Шеф задрал голову к потолку, густо увешанному осветительными приборами, штангами и стальными фермами, и крикнул в него:

– Моторы идут?

– Толь, мы не останавливали, – через некоторое время ответили с потолка.

– Короче, дальше едем. Ну, ты грибы почистила?

Маня с готовностью показала миску.

– Для нажористости можно шампиньонов добавить! Так в ресторанах всегда делают! Вроде суп из белых, а белых там с гулькин хобот на самом деле!

– Мы тоже добавим… для нажористости?

– А что ж! Может, писатели у нас в стране и богатые, но простым смертным суп из одних беляков дорого встанет!

– Да при чем тут богатые писатели? – опять некстати разозлилась Маня. – Я живу в деревне, кругом леса на многие километры! У нас все за грибами ходят, и, если белых меньше корзины принес, считай, зря проходил, время потратил!.. Мы ни сушить, ни солить не успеваем! Да еще соседи приносят!..

– Шампиньоны моют под сильной струей и моментально, – бодро перебил Толян Истомин, – иначе вместо грибного вкуса будет одно болото! Вот так, гляди!

Он открутил кран, зажал пальцем толстую струю воды, обдал Маню с головы до ног и вновь захохотал.

Зрители от души зааплодировали.

– А что ты думаешь, у нас производство опасное! – Толян с удовольствием смотрел, как Маня отряхивает воду с фартука и джинсов растопыренной пятерней. – И вода бывает, и огонь! Файер-шоу я тебе обещаю, когда фламбировать будем!

Маня стянула с носа очки и попыталась протереть краем жесткого фартука.

Ничего не вышло. Стекла остались мутными, в разводах.

…Анна Иосифовна, глава издательского дома, где печаталась писательница Покровская, то и дело выговаривала Мане за то, что она отвлекается от «главного своего дела», то есть литературной работы, и зачем-то шляется на никому не нужные программы, то и дело дает пустые интервью и соглашается на бестолковые встречи.

– Тебя и так все знают, – сердилась Анна. – Рядом невозможно по улице пройти, с тобой постоянно фотографируются и здороваются! Тебе не хватает славы? Мы можем купить рекламные площади в метро и развесить твои портреты, это обойдется издательству дешевле, чем твои опоздания к сроку!..

Маня винилась, кивала, сокрушалась, давала обещания никуда больше не ходить, но, когда на нее вновь начинали наседать, неизменно соглашалась, потому что отлично понимала, что журналисты тоже люди подневольные, им зарплата нужна, а хорошо бы и премия, а ей, Мане, по большому счету ничего не стоит прийти и… выступить.

Пожалуй, сейчас в студии с Толяном Истоминым она впервые от всей души осознала правоту Анны Иосифовны и поклялась себе, что больше никогда, ни за что!..

– Стоп моторы! – прогремело с потолка. – Поправьте гостье грим, а ведущему звук. Толь, чем ты там петлю все время задеваешь?..

Ведущий посмотрел на лацкан кителя, где был прицеплен петличный микрофон.

– А, блин небось це'почка болтается! – Он так и сказал, с ударением на первом слоге, и полез под китель.

– Ничего не делай, – заверещали с потолка, – сейчас Тема подбежит и сам поправит!

– Мне бы очки протереть, – мрачно сказала Маня гримерше. – Ничего не вижу.

Пока бегали за салфетками, пока запудривали потеки, пока приводили в порядок щетку на Маниной голове, ведущий прохаживался вдоль зрителей и рассказывал анекдоты.

Зрители от души восторгались ведущим.

Маня ведущего от души ненавидела.

– По местам, мы готовы! Толь, начинаешь с файер-шоу, мы подхватимся. Марина, чуть правей от себя. Еще. Еще. Нет, назад. Вот так. Моторы идут, аплодисменты…

Толян Истомин возликовал, словно кто-то переключил тумблер у него внутри:

– А файер-шоу я тебе обещаю, когда фламбировать будем. Ты знаешь, что это такое? Ну, когда фламбируют?

– Стоп! Стоп! – Грянуло сверху. – Толь, извини!.. У нас технические проблемы.

– Вот те на! Только разговорились, только в ритм вошли!

…Мане решительно не казалось, ни что «разговорились», ни что «вошли в ритм»!

Некоторое время они молча стояли перед роскошным кухонным столом.

Маня сняла очки и посмотрела – идеально чистые.

Операторы не шевелились за камерами.

– Перерыв, – сердито объявили во всех динамиках. – Ребят, у нас все пульты вылетели, будем перезагружать. Перерыв на час, возвращаемся в студию в тринадцать тридцать.

– У-у-у, – протянул Толян Истомин себе под нос и большими шагами вышел из студии, не оглянувшись на Маню.

– Массовка, – закричали откуда-то сбоку, – выхо-дим организованно! Можно пообедать и покурить, в тринадцать пятнадцать все собираемся возле входа в павильон.

– Пойдемте, – позвала Маню улыбчивая гримерша, – я вас провожу. У нас, между прочим, отличный буфет. И можно попросить, они кофе сделают в кофемашине. Хотите?

– Я домой хочу, – призналась Маня в спину гримерше. – Я думала, это все быстро будет…

– У нас на самом деле всегда быстро! Что-то у них случилось, напряжение, должно быть, скакнуло.

– Наверняка скакнуло, – сердито согласилась писательница. – Или упало! Теперь большой вопрос, когда они его поднимут.

Гримерша оглянулась на нее. Она была небольшого роста, очень изящная, здоровенная Маня возвышалась за ней, как гигантский сухогруз за лоцманской лодочкой в проливе.

Пролив, то есть коридор, заполнялся людьми, которые волнами выливались из студии.

– Марина! Марина, можно селфи?..

– А мне автограф для мамы, она с детства вас читает!

– Ой, и моя читает, ей послезавтра семьдесят пять, вы вот тут черкните «С днем рождения!»…

– Марина, а по телевизору вы старше!

– А вы еще будете писать про Нику? Как ее? Ника Акимова! Я так ее люблю, напишите еще, Марина!..

Гримерша потянула писательницу за рукав:

– Сюда, сюда! Извините нас, пожалуйста!..

Захлопнулась одна дверь, открылась другая, и Маня оказалась в той самой комнате, где были ее вещи и где ждал…

– Волька, нельзя! Отстань! Нельзя, тебе говорят!

Небольшая белая свинка на упористых коротких ножках с шумом сверзлась с дивана, помчалась и стала прыгать на Маню.

Пол от прыжков сотрясался.

– Он прекрасно себя вел, – заметила гримерша. – А сейчас от радости разошелся.

Свинка на самом деле была вовсе не свинкой, а Маниной собакой породы мини-бультерьер. Маня везде и всегда таскала Вольку за собой, даже в командировки! Если ее приглашали выступать в другие города, она первым делом выясняла, можно ли приехать с собакой.

И, если нельзя, отказывалась наотрез.

Александр Шан-Гирей, большой русский писатель и мужчина Маниной жизни, считал, что Маня на своей собаке совершенно помешалась.

Маня потрясла пса за передние лапы, половила за хвост, потаскала за острые уши и спросила гримершу, есть ли у нее собака.

– Погибла, – ответила та. – Попала под машину. Никак не решусь завести.

Маня сочувственно покивала.

Писательское неконтролируемое воображение тут же нарисовало жуткую картину: Волька попадает под машину, и Маня тащит его бездыханное тело, и плачет, а собачьи лапы свисают и болтаются как-то так, что совершенно ясно – уже не помочь, не спасти…

…Да что ты будешь делать!..

– Как вас зовут? – очень громко спросила Маня девушку и изо всех сил обняла живого-здорового Вольку. – Я даже не спросила!

– Инна.

– Как прекрасно! – возликовала Маня. – Мою любимую стилистку тоже зовут Инна!

– Она на телевидении работает?

– По-моему, и на телевидении тоже!

– Тогда, должно быть, я ее знаю. Мы ведь все друг друга знаем.

– Инночка, а вы не знаете, есть ли надежда, что этот самый пульт починят?

Девушка засмеялась:

– Ну, конечно, починят! Другой вопрос – когда. Вот этого, наверное, никто сейчас не знает, даже инженеры.

Маня поняла, что влипла.

Издательница Анна Иосифовна, следившая за Маней, как мудрая орлица за птенцом-недоумком, «настоятельно рекомендовала» ей отправиться в «спокойное место» и дописать наконец давно обещанную книжку.

Она вчера так и сказала Мане, когда та пришла в издательство писать явку с повинной:

– Манечка, настоятельно рекомендую тебе уехать в устроенное, удобное место, собраться с силами, хорошенько поработать и сдать роман хотя бы к середине лета. Иначе мы опять не успеем к ярмарке!

«Настоятельная рекомендация» означала на самом деле строгий приказ.

– Ты полгода проболталась в Москве без всякого дела, – Анна смотрела прямо на нее и не улыбалась, Маня сидела на краешке кресла, ссутулившись и время от времени вытирая о джинсы потную ладонь. – Ну, если не считать делами твои телевизионные марафоны! Отправляйся и принимайся за дело.

Маня принялась суетливо врать, что как раз собиралась отправляться, ей только нужно обязательно заехать в банк за наличными, а это получится исключительно в среду, и корм купить для Вольки, а то он в деревне с голоду пропадет, так что в четверг она купит корм, так что в пятницу… или в крайнем случае в субботу.

Анна слушала недолго.

– Значит, решено, – подкрепляя слова, она легонько хлопнула по столу узкой ладонью, в солнечном луче полыхнул необыкновенный перстень. – Завтра Гена отвезет тебя на моей машине, чтобы не связываться с расписанием поездов. Наличные тебе сейчас выдадут в бухгалтерии, я распоряжусь. Корм для твоей милой собаки Гена купит завтра по дороге. Напиши вот тут, какой именно нужен.

…Таким образом, все пути к отступлению оказались отрезаны.

Утром явился водитель Гена, почти столь же ослепительно прекрасный, как и его лимузин.

На белоснежном кожаном сиденье лежал огромный букет влажных роз и стояла легкомысленная корзиночка с крышкой.

– От Анны Иосифовны, – пояснил Гена.

В корзине оказались лоточек с первой клубникой, кусок сыра, ломоть розовой, со слезой, ветчины, завернутый в пергаментную бумагу, палка салями, еще теплые белые булочки и бутыль красного вина.

…Ну, Анна, ну, затейница!..

Все это было бы просто прекрасно, если б Маня не дала давным-давно обещания сняться в этой самой кулинарной программе с Толяном Истоминым, где только что забуксовали какие-то пульты!..

И вот все наоборот, просто ужасно – Гена, розы и угощение ждут в машине.

Волька ждет в гримерной.

Анна на шестом этаже издательства ждет отчета о прибытии писательницы в деревню.

А Маня застряла на съемке неизвестно на какой срок!..

– А как узнать, скоро починят? – Она перестала чесать Волькину спину и с надеждой посмотрела на гримершу. – Может, мне сбегать в эту самую аппаратную?.. Поторопить?..

– Выгонят вас оттуда, Марина!

– Я писательница, меня просто так не выгонишь. Я не уйду.

– Сделать вам кофе из кофемашины?

…Почему-то на телевидении все непременно уточняют, что кофе из кофемашины!.. Как будто у них бывает еще какой-то!..

То ли дело в издательстве!

Анна Иосифовна в незапамятные времена организовала в самом укромном и недоступном для посторонних уголке солидного многоэтажного здания не то «чил-аут», не то «лофт» – в общем, нечто необыкновенное.

Поставила широкие диваны и разлапистые кресла, понавесила роскошных драпировок, настелила дорогих ковров, где-то отыскала турку, в которой до сих пор варит превосходный кофе «по-восточному» – в горячем песке.

Кофемашины Анна презирала, как нечто примитивное, массовое.

Она признавала только настоящее, качественное и превосходное!..

– А можно чаю? – попросила Маня и опять принялась за Вольку. – С лимоном и сахаром. Сахару побольше!..

– Вы едите сахар?! – ужаснулась гримерша Инна. – Это же нельзя и вредно очень! Сейчас никто не ест сахар и глютен!

– А я потребляю в больших количествах, – объявила Маня. – Мы пока на улицу выйдем, пописаем.

– Зачем же на улицу? – совсем потерялась девушка Инна. – Я вас в туалет провожу…

Маня взглянула на нее и захохотала.

Писательское буйное воображение моментально нарисовало картину, как она выходит на стоянку, запруженную машинами и людьми с сигаретами и бумажными кофейными стаканчиками, деловито расстегивает штаны, оглядывается в поисках места поудобнее, присаживается и…

– Я собаку выведу, – Маня хрюкнула и опять захохотала, – вы уж про меня так плохо не думайте!.. Я чокнутая, но еще не окончательно!

Они выбрались из помещения – очень много людей, очень длинные коридоры, очень неожиданные повороты и очень крутые лестницы – на воздух.

Оказалось, что день в разгаре, солнышко светит, на небе облака, а на деревьях листва.

…В съемочных павильонах всегда отчего-то создается впечатление, что за окнами зима и ночь.

Небольшая толпа, состоящая исключительно из мужчин, раздвинулась, пропуская ее с собакой, и тот самый, у которого улыбка виднелась из-за камеры, отсалютовал, приложив ладонь к бейсболке.

Должно быть, операторы вырвались на волю, покуда инженеры чинят… что там они чинят?..

Волька навострил и без того остроугольные уши и натянул поводок – почуял уличные запахи и голубей.

Он терпеть не мог голубей и не успокаивался, пока не разгонял всех до единого, оказавшихся в поле его зрения.

Какой-то человек доставал из салона «Порше» нарядную коробку. Маня прошла было мимо, а потом оглянулась – уж больно хороша и задириста была машина! Над номером, вполне обыкновенным, красовалась еще одна табличка, один в один как номерная, но с надписью «ТОЛЯН».

Должно быть, знаменитый шеф прикручивает свое имя ко всему, что попадается ему на жизненном пути.

На кителе тоже было написано «Анатолий Истомин», очень красиво.

– Волька, не тяни так!..

Но пес тянул, и Мане пришлось проделать некоторое расстояние неуклюжим аллюром – левая нога, на которую она в прошлом году сильно упала, все еще давала о себе знать.

Волька разогнал голубиную стайку и наметил следующую цель – заросли сирени на краю гигантского асфальтированного стояночного пространства.

Кусты шевелились и трепетали от воробьев.

Влекомая Волькой Маня почти врезалась в кусты и воробьев, бросила поводок и разрешила:

– Наслаждайся!

Пес только того и ждал: с треском полетели в стороны сухие ветки, воробьи плеснули в разные стороны, с березы во все горло каркнула ворона, кусты заходили ходуном.

Маня вздохнула.

Нужно бы Гене сказать, что они задерживаются на съемке, и пусть сам звонит Анне Иосифовне!

Или, может, отъесть немного ветчины от того невозможно аппетитного куска, который ожидает в машине?..

Впрочем, если отъесть, кусок уже не будет таким нарядным и по-магазинному свежим!

А ведь смысл гостинца вовсе не в куске ветчины!

Смысл не только ветчины, но и жизни, считала Маня, в том, чтобы приехать домой, скинуть туфли, расшвырять надоевшую за день «городскую» одежду, умыться, – и непременно ледяной водой! – напялить льняное платье до полу, выдать Вольке фураж, затеплить лампочку на веранде и только после всего этого развернуть хрустящий пергамент, достать белую булку, распластать на ней толстый ломоть ветчины и…

…«Ты вся состоишь из дурацких фанаберий! – хватался за голову мужчина ее жизни и большой русский писатель Александр Шан-Гирей. – Ты ничего не можешь сделать по-людски, тебе обязательно нужно наворотить вокруг любой ерунды… историю с продолжением! Ты рубль не в состоянии из кошелька достать просто так, ты должна себе объяснить, откуда у тебя в кошельке взялся рубль, почему он олимпийский, как он к тебе попал, кто до тебя держал его в руках и как его чеканили на Монетном дворе!»

«Ну и ладно, – оправдывалась Маня, – ну и что? Ничего же нет плохого! Мне просто так интересней!»

«Прекрасно! – восклицал Алекс. – Тебе так интересней, а меня уволь, уволь! Я устал от твоих благоглупостей!»

– Я устал от твоих приставаний! – громко сказали совсем рядом, за кустами, в которых продолжал резвиться Волька. – Зачем ты сюда-то приперлась?! Сидела бы в своем Пятигорске, ты ж его обожаешь, жить без него не можешь!

Тон, каким была сказала фраза, словно бы принадлежал Алексу Шан-Гирею, и Маня вдруг вся залилась потом от страха.

Как?!

И он здесь?!

Объясняется с кем-то в сирени?!

– Вот и живи там, а от меня отвянь. Говорили мне пацаны, что после развода года два будет сплошной треш! А я не верил!

…Слава богу, голос совсем не Алекса! Да откуда тут ему взяться-то, чего ты так испугалась?!

– Толь, да я просто так прилетела, – сказал женский голос очень грустно. – Скучаю я. Столько лет…

– А я, блин, не скучаю, некогда мне скучать! У меня башка вся забита работой! Вкалываю с утра до ночи! Мне ресторан предложили взять, а как, к лешему, брать ресторан, когда я на телике жизнь живу!

– Какой ресторан? – словно бы оживилась женщина.

– Такой! «Васильки», помнишь?

– Ну конечно, помню! Так они с тех пор шефа не нашли?!

– Кого попало туда не возьмут, а кого не попало нету!

– Толя, так, может, тебе согласиться, а? Помнишь, ты мечтал! Ты же первоклассный шеф! Тем более они еще раз предлагают!

– А телик куда я дену? Рекламу? Мне ж за нее платят конские бабки, а там чего? Опять все из болота на собственной хребтине тянуть?!

– Тебе на жизнь хватит! Зато опять ресторан свой, ты же хотел!

– Ничего я не хотел! Ничего я не помню! Поговорили – и хорош, все! И не таскайся ты за мной, сколько раз повторять!

Маня, сообразив, что ее сейчас застанут за подслушиванием, потянула Вольку и неуклюже двинулась было прочь, но из кустов уже выскочил Толян Истомин и широко зашагал в сторону здания.

На Маню он не обратил никакого внимания.

Писательнице Покровской очень хотелось посмотреть на женщину – все ведь уже понятно: недавно развелись, видимо, прожили вместе всю жизнь, она никак не может смириться, «таскается» к нему, даже прилетела откуда-то, из Кисловодска, что ли!..

Но чувство приличия, даже с поправкой на писательскую бесцеремонность, не разрешило ей топтаться на линии подслушивания и подсматривания дальше, и она, не оглядываясь, поплелась в сторону толпы операторов.

Из того, что они продолжали толпиться, явствовало: чинимое оборудование до сих пор не починено.

– Марина Алексеевна! Чаю не хотите?

Роскошный Гена возле роскошного лимузина сиял роскошной улыбкой.

– А откуда у вас чай, Гена?

Гена неторопливо обошел машину и поднял крышку багажника.

– У нас с собой всегда небольшой несессер. – И он принялся возиться внутри. – Анна Иосифовна не любит чай на заправках или в кафе. Мы возим свой.

– Никаких сомнений, – пробормотала Маня себе под нос, приблизилась и заглянула.

В багажнике оказался раскинут некий чемодан, кажется, красного дерева снаружи и синего бархата изнутри. На откинутой крышке сервирован чайный прибор, серебряный термос с носиком, видимо, чтоб больше походил на чайник, лимон, крохотная сахарница со щипчиками и несколько сэндвичей, сделанных по всем правилам.

– Вот эти с лососем, – проинформировал Гена, – а вот эти с огурцом.

…Ну, Анна, ну, затейница!..

Маня с наслаждением пила чай, откусывала от сэндвича, вздыхала – жизнь улучшалась на глазах.

Народу на стоянке прибавилось, видимо, массовка, соскучившись ждать, потянулась проветриться.

Вон какая-то парочка пристроилась на лавке и строчит сообщения в телефоне – должно быть, друг с другом разговаривают посредством переписки!

Полная дама обмахивается веером – и впрямь сегодня душновато.

Сутулый и худой, как велосипед, парень, по виду студент, слоняется туда-сюда, загребает раздолбанными кроссовками пыль, слушает, что ему говорят наушники. А может, они ему не говорят, а поют!..

Пробежала девица-редакторша, Маня видела ее в студии.

– Я сама отгоню! – крикнула она в сторону крыльца, забралась в «Порше» под названием «ТОЛЯН» и покатила куда-то.

Из толпы операторов слышась возгласы и обрывки разговора – там явно «вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.